

Читайте романы
Алисы Луниной
в серии
«Новогодняя комедия»:

Новое счастье для барышень

•

Под крылом Ангела

•

Такси «Новогоднее»

•

Рояль под елкой

•

За пять минут до января

•

Свадьба на Рождество

•

Когда часы двенадцать бьют

Алиса Лунина

***Просто была
зима...***

Роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Художественное оформление серии
Е. Анисиной

Лунина, Алиса.
Л84 Просто была зима... / Алиса Лунина. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Новогодняя комедия).

ISBN 978-5-04-090019-0

Однажды маленькая Оля сказала Деду Морозу, что хочет вырасти красавицей и стать известной актрисой. Ее желание исполнилось, однако почему-то не принесло девушке счастья. В то же время Олина сестра-близняшка Таня, обычная преподавательница французского, тоже несчастлива в своей обыденной серой, как ей кажется, жизни. И Ольга внезапно решает обменяться с Татьяной судьбами ровно на месяц — как раз до Нового года. Сказано — сделано! Тут уж сюрпризы посыпались на сестер, как из мешка Деда Мороза — подарки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090019-0

© Лунина А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Приморск. 1986 год

В маленьком южном городке Приморске, где даже в декабре снег был явлением сродни настоящему чуду, Новый год любили так же, как и во всех других уголках страны. Его предвкушали, к нему готовились, и особенно его ждали дети.

Узнав, что в конце декабря они пойдут на новогоднее представление во Дворец культуры, где будут хороводы вокруг наряженной елки, подарки и самый настоящий Дед Мороз, сестры Литвиновы — пятилетняя Таня и четырехлетняя Оля засияли от радости. Обе любили Новый год, и возможно, что любовь к этому празднику была единственным объединяющим Таню и Олю обстоятельством, потому что вообще-то они оказались разными. Вот просто абсолютно. Как лед и пламя, север и юг, ну и так далее. И реакция на слова мамы, сказавшей, что к новогоднему представлению надо бы подготовиться — выучить стихотворение для Деда Мороза и придумать специальный карнавальный костюм, была у сестер разной. Старшая сестра Таня, как хорошая, воспитанная девочка, приняла слова мамы как руководство к действию — она

разучила большое стихотворение (на размере Таня не схитрила — по объему так вышла целая поэма) и за несколько дней, под руководством бабушки, сшила костюм зайца. А младшая — Оля, глядя на старшую сестру, решила все сделать наперекор Тане. «Таня разучила стихотворение? Тогда я ничего учить не стану! Таня будет на елке зайцем? Тогда я стану маленькой разбойницей как в сказке Андерсена! Таня — хорошая девочка? Тогда я всегда буду плохой девочкой!» Но вот только идею прийти на елку в костюме маленькой разбойницы мама почему-то отвергла, и в итоге Олю нарядили «снежинкой».

...Во дворце, увидев самого взаврадашнего Деда Мороза — в тулупе и с бородой, заяц Таня и снежинка Оля заволновались.

Дед Мороз со Снегурочкой зажигали гирлянды на елочке, пели с детьми песни, а потом наконец настало самое интересное — к Деду Морозу можно было подойти и, рассказав ему специальный новогодний стишок, получить от него подарок.

Оля в марлевом костюме «снежинки» угрюмо наблюдала за очередью выстроившихся к Деду Морозу девочек в таких же, как у нее, марлевых костюмах. Таких «снежинок», как она, было здесь как в огромном сугробе, и, чтобы как-то отличаться от прочих (а Оле страстно хотелось отличаться от всех — всегда и везде!), она быстренько, пока мама не видела, поотрывала снежинки из фольги на своем платье, и самую большую прилепила себе на лоб жвачкой, — типа она не какая-нибудь

обыкновенная снежинка, а Снежная королева — королева снежинок! Когда очередь дошла до ее сестры и заяц Таня принялась старательно рассказывать Деду Морозу свой стишок размером с поэму, Оля пригорюнилась — а что же она расскажет, когда спросят ее? Может, зря она не стала учить стихотворение?

— Здравствуй, снежинка! — обратился Дед Мороз к Оле, когда очередь дошла до нее.

— Я — королева всех снежинок, — уточнила свой статус Оля и, послунявив жвачку, поправила отлепившуюся фольгу.

Дед Мороз с уважением кивнул и посадил «королеву» к себе на колени. Оля украдкой коснулась рукой его бороды — настоящая-нет? Дед Мороз попросил девочку прочитать ее любимое новогоднее стихотворение. Оля тяжело вздохнула, стараясь не смотреть в ту сторону, где стояла довольная, улыбающаяся Таня в дурацком заячьем костюме.

— Ты не знаешь ни одного стихотворения про Новый год? — удивилась Снегурочка, когда пауза слишком затянулась. — Может быть, расскажешь что-нибудь про зиму или снег?

Сбоку от Оли закачались длинные заячьи уши, и тут же раздался Танин писклявый голосок:

— Оля стихов вовсе не знает!

Оля вскинулась и приняла вызов: как это она не знает ни одного новогоднего стихотворения?! Да она придумает его прямо сейчас! В следующую минуту Оля забормотала Деду Морозу в ухо собственные, только что придуманные стихи. И ниче-

го, что они состояли всего из одной фразы, зато произносила она их с необычайной экспрессией: «Если на улице снег — иди домой! Если на улице снег — иди домой! Если на улице...» Оля склоняла эту фразу на все лады, демонстрируя недюжинные актерские способности (много позже Оля поймет, что ее стихи были похожи на рэп, и она читала их, как заправский рэпер). Главное, как понимала девочка, не останавливаться, чтобы не дать Деду Морозу опомниться. Спустя пять минут Олиных завываний ему в ухо о том, что надо делать, если на улице идет снег, Дед Мороз судорожно взмахнул посохом и сказал, что Оля — большая, очень большая молодец! Ну, просто страсть, какая молодец! И поспешил спустить ее с колен.

— Дед Мороз, а ты выполнишь мое желание? — поинтересовалась Оля, приободренная дедовской похвалой, и, не дожидаясь ответа, затараторила: — Пожалуйста, сделай так, чтобы я была самой красивой! А еще, чтобы я, когда вырасту, стала знаменитой актрисой!

Дед Мороз не успел ничего ответить, потому что к нему вдруг метнулась другая девочка — в заячьем костюме и заканючила, глядя на «королеву снежинок»:

— Но это моя мечта! Это я хочу быть знаменитой актрисой!

Оля вспыхнула:

— Нет, моя! — и попыталась оттолкнуть сестру. Таня пихнула ее в ответ.

— Девочки, не ссорьтесь! — крикнула мама, но было уже поздно.

Оля схватила Таню за заячье ухо на ее белом комбинезоне, дернула его что есть силы и оторвала. Все дети засмеялись, а одноухий заяц Таня заплакала.

— Дети, перестаньте, — примиряюще сказал сестрам Дед Мороз, — моего волшебства хватит на всех. Обещаю сделать так, что у вас обоих сбудутся желания.

— И я стану знаменитой актрисой? — возликовала Оля.

Дед Мороз улыбнулся, порылся в своем необъятном мешке и вручил девочке леденцового петушка на палочке. Точно такого же он протянул рыдающей Тане. Оля развернула обертку от леденца и уточнила у Деда Мороза, точно ли он исполнит обещание. Дед Мороз кивнул.

— Ну, смотри, не соври! — потребовала Оля, глядя в льдистые, голубые-голубые, глаза Деда Мороза.

Прошло тридцать лет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Приморск. Наше время

— Я неудачница! — вздохнула Татьяна. — Надо набраться смелости и честно себе в этом признаться. Да, неудачница — тем не стала, это не сбылось, с личной жизнью вообще полный мрак. Дальше можно не перечислять... Главное, непонятно, как это со мной приключилось, ведь в детстве, юности на что-то надеялась, были амбиции, планы, мечты, и вот — пожалуйста!

Татьяна стояла на берегу моря, зябко ежась от сильного ветра. Погода была типичной для начала декабря — прохладно, ветрено; на море начинался шторм. Кроме чем-то недовольных чаек — вокруг никого; можно пожаловаться вслух, можно поплакать, да хоть бы вообще завывать в голос — никто не услышит. Час назад Татьяна простилась со своим мужчиной — любимым, обожаемым Александром; десять лет отношений — сходились, расходились и вот, кажется, разбежались окончательно. Татьяна сейчас чувствовала такую боль, словно у нее оторвало руку или ногу; абсолютная, невыносимая боль и полное непонимание: как ей теперь дальше — без Саши?

А что случилось, почему? Татьяна спросила Сашу, всего лишь спросила его, как они будут встречать Новый год, ну потому что праздник уже через три недели и надо бы подумать... А Саша вдруг с неожиданной злостью сказал, что общего Нового года у них не будет.

— Это как? — не поняла Татьяна.

— А так, — отрезал Саша, — будет у каждого свой. Собственный.

Татьяна заплакала, она не хотела, чтобы у каждого был собственный, она хотела — общий, но Сашу ее желания, похоже, совершенно не волновали.

— Вот только не надо реветь! — взбеленился Саша и признался, что встретил другую девушку.

Другую? Татьяна молчала и смотрела на любимого мужчину, ожидая разъяснений. Однако их не поступило. Саша устало вздохнул.

— В конце концов, мне тоже тяжело! — Помолчав, он добавил с некоторым упреком: — Мне, может быть, даже тяжелее, чем тебе!

После этого Татьяна развернулась и побежала на берег. К морю.

...И вот — ветер, чайки. Боль такая огромная, что до горизонта... Море сердится, гонит волны одну за другой. Татьяне хотелось, чтобы ее смыло сейчас вон той огромной волной, подхватило и унесло. Нет девушки — нет проблемы. Но волна только слегка обрызгала Татьяну и с ревом унеслась обратно в море.

Таня вздохнула и пошла домой.

...Ей хотелось одного: не думать — не чувствовать — перестать быть; лечь в кровать, накрыться одеялом с головой и заснуть, а проснуться уже весной (еще лучше — через год, в идеале — вообще не просыпаться). Но не думать, впрочем, как и не быть, не получалось. В голову как на зло лезли назойливые мысли о собственной несостоятельности; словно бы внутри сидел кто-то очень недобрый и молоточком выстукивал ей в висок: тебе уже тридцать пять, в этом возрасте любой уважающий себя человек должен достичь каких-то результатов! А что есть у тебя? Семьи нет, карьеры тоже! Чем ты вообще занимаешься? Сидишь с соседскими детьми в качестве няньки и даешь уроки французского? И это, потвоему, — удачная карьера?! Когда молоточком по голове стучали особенно больно, Татьяна слабо пыталась оправдаться: но мне нравится то, чем я занимаюсь! Нравится заниматься детьми, преподавать французский, и совсем неважно, что эти занятия не приносят больших денег! Однако же эти оправдания не помогали, и внутренний голос продолжал неумолимо внушать бедняжке Татьяне, что она — хуже всех на свете и что с ней уже никогда не случится ничего хорошего.

Из этого психологического тупика было рукой подать до депрессии — состояния, в котором ты безнадежно выпадаешь из жизни; но при этом Татьянина жизнь была устроена так, что Таня не могла себе позволить надолго из нее выпасть, иначе говоря, собственная жизнь самой Татьяне

не очень-то и принадлежала. У Тани было много дел и обязательств перед другими людьми, и, как человек ответственный и совестливый (а вот она с детства была такая!), она не могла задвинуть эти самые дела и плюнуть на эти самые обязательства. Несколько раз в неделю к ней домой приводили детей дошкольного возраста, и Татьяна играла с ними в развивающие игры, учила их читать, рисовать и устраивала для них театральные кукольные представления. Будучи воспитателем этого импровизированного домашнего детсада, она еще подрабатывала как репетитор и давала уроки французского языка. В общем, погрузиться в депрессию она могла себе позволить только в свободное время (но тут уж самозабвенно!)

...Татьяна читала воспитанникам своей детсадовской группы — четырехлетнему Севе и пятилетним Ксюше с Юрой сказку про муми-троллей. На муми-долл опустилась волшебная зима с долгими снегами, и лютая стужа уже готовилась обрушиться на долину, закружиться белым, яростным вихрем, а до весны еще было, ох как далеко... И было так приятно читать эту с детства любимую сказку притихшим детям в теплой, уютной комнате, под звуки дождя за окном, что Татьяна и сама заслушалась, замечталась.

— А чего это у вас такой больной вид? — вдруг перебил Татьяну розовощекий крепыш Сева.

Таня споткнулась на половине фразы и смутилась:

— Что, в самом деле больной вид?

— Определенно! — доброжелательно подтвердила другая Татьяна воспитанница Ксюша — девочка с огненно-рыжими волосами и неприятной манерой совать нос во все дела.

Татьяна отложила книгу и глянула в зеркальце — ну да, лицо бледное, осунувшееся.

— Наверное, съели что-нибудь не то! — предположил смешливый и подвижный, как ртуть, Юра.

Татьяна улыбнулась — возможно!

— Лечитесь, а то замуж никто не возьмет! — высказался добрый Юра.

Ксюша кивнула рыжей головой — определенно!

«А меня и так никто не берет», — подумала Татьяна.

* * *

Когда десять лет назад Таня впервые увидела Сашу — белокурого, голубоглазого, невыразимо печального, она сразу поняла, что это — то самое великое чувство, о котором слагали стихи и писали книги, ради которого затевали войны и шли на смерть. Любовь пронзила Татьяну, как молния.

С самого начала девушка знала, что ее избранник Саша Баранов — совершенно особенный, исключительный человек. Саша был натурой сложносочиненной, погруженной в свой внутренний мир, он словно бы неутомимо искал свое предназначение, призвание, место в мире. Надо сказать, что не все это понимали. К примеру, Танина мама,

поджав губы, говорила: «Ну и долго он так будет метаться, как известно что в проруби?! Смешно даже. Мужичку тридцать лет, а он все мечется. И не надо мне говорить про тонкую душевную организацию! Дурь и блажь! Он до старости будет плавать в этой проруби, а ты сиди и жди?! Дура ты, Таня!»

Может, Татьяна и впрямь была душой, но те Сашины особенности, которые другие люди называли его недостатками, она считала достоинствами. Да, человек ищет себя, не успокаивается, к чему-то стремится, внутреннее беспокойство — признак духовного роста! Поэтому пока Саша неутомимо развивался и искал — все десять лет их отношений, Татьяна терпеливо ждала и любила его. Причем как-то так сразу вышло, что в их союзе любила Татьяна, а Саша позволял ей себя любить. Девушка утешалась мыслью, что так бывает, со временем ее избранник поймет, как она ему нужна; а потом он ее по-своему любит, просто он такой необыкновенный, что у него все несколько иначе, чем у других.

У Саши действительно все было «несколько иначе», чем у других. Совсем иначе. Он являлся человеком настроения: сегодня он в ладах с миром — легок, лучист, весел, обаятелен (в такие моменты в него невозможно было не влюбиться), а потом что-то менялось — Саша становился хмурым, раздражительным, мелочным, выговаривал Татьяне по пустякам, сердился на весь свет. Причем понять, отчего эти периоды зависят, как и пытаться влиять на них, — не представлялось воз-